

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (КАМЕННЫЙ ВЕК – РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК): КРАТКИЙ ОБЗОР СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИЗУЧЕННОСТИ*

Статья представляет краткий обзор учебных материалов по археологии Кореи со списком рекомендованной литературы. Она дополняет общий курс «История Кореи» для специальности «Востоковедение. Африканистика» по профилю «История» и является составной частью курса «Зарубежная археология» для специальности «Археология». Представлены основные памятники и культуры от появления древнего человека на Корейском полуострове и до периода формирования ранних государств.

Ключевые слова: Корея, археология, палеолит, неолит, бронзовый век, ранний железный век.

В рамках освоения учебных курсов «История Кореи» и «Зарубежная археология» в ходе подготовки молодых специалистов-востоковедов и археологов в вузе (специальность «Востоковедение. Африканистика» по профилю «История» и специальность «Археология») важное место занимает изучение древней истории народов Восточной Азии, где невозможно обойтись без анализа археологических материалов, происходящих с территории Корейского полуострова.

Географическое положение Кореи, которая на протяжении тысячелетий соединяла внутренние районы континента (как таежно-степные, так и древние земледельческие зоны) с прибрежными районами Восточного Китая и Японского архипелага, оказало существенное влияние на ее историческое развитие. Считается, что Корейский пролив возник в начале позднего плейстоцена, когда подъем Японского моря достигал отметки 8–10 м выше современного уровня.

Палеолит Кореи представлен в основном памятниками нижнего (раннего) и верхнего (позднего) этапов; отдельные исследователи выделяют средний палеолит [Деревянко, 1983; 1986; Ларичев, 1976; Ли Хонджон, 2002; Choi Mou-Chang, 2004]. Известны пещеры (например, Турубон в провинции Северная Чхунчхон), которые по фаунистическому и археологическому материалу должны предшествовать верхнему палеолиту, но эта гипотеза не подтверждается типологическим анализом. Также на севере, в районе Пхеньяна, обнаружена пещерная стоянка Комын-мору со среднеплейстоценовым фаунистическим комплексом, рубящими орудиями и скреблами, изготовленными грубой обивкой из жильного кварца.

Традиционно относимые к нижнему палеолиту памятники с ручными рубилами и другими архаичными каменными орудиями по современным данным датируются 60–30 тыс. л. н. (поздний плейстоцен). Наи-

---

* Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2010 годы)» (проект РНП.2.2.1.1/1822) Рособразования.

более изученная стоянка Чонгонни (Чонгонки) на р. Ханган имеет галечную индустрию, бифасы, скребла, орудия на отщепках в слое с датами по термолюминисцентному анализу 190–70 тыс. л. н. [Ли Хонджон и др., 2006]. Ранее в литературе высказывалось мнение об исключительно древнем возрасте памятника в 350–250 тыс. лет; однако исходя из современных данных, как считает А. П. Деревянко, наиболее приемлема дата 160–70 тыс. л. н. [Деревянко, 2005]. Концом среднего – началом позднего плейстоцена (150–120 тыс. л. н.) датируется важнейший нижнепалеолитический памятник Кумпари. Антропологические остатки двух детей (7 и 8 лет), так называемого йокпхоского человека, найдены в пещере Тэхендон в районе Йокпхо. По мнению северокорейских ученых, они относятся к промежуточной стадии между эректусом и неандертальцем.

Для верхнего палеолита (вторая половина позднего плейстоцена) выделено три этапа, в основном коррелирующих с технологическими традициями: 1) традиция галечных орудий (40–30 тыс. л. н.) – стоянки Хахакери, Йонходон, нижний слой Сокдянни; 2) отщеповых орудий (30–20 тыс. л. н.) – верхний слой Сокдянни; 3) микропластин (17–12 тыс. л. н.) – Суянгэ, Чоммаль, Йонгул. Наиболее ранние памятники микропластинчатой индустрии датированы временем около 24 тыс. л. н. В северной части опорным является памятник Кульпхо (пров. Северная Хамген), где найдены двусторонне обработанные галечные орудия. В верхнем палеолите на Корейский полуостров до 40° с. ш. проникали представители мамонтовой фауны (мамонт, бизон и др.); население также охотилось на оленей, кабанов, медведей.

Этап перехода от палеолита к неолиту (соответствует переходному периоду от плейстоцена к голоцену и раннему голоцену, 12–7 тыс. л. н.) изучен недостаточно, что может быть связано с затоплением памятников из-за повышения уровня моря или их уничтожением в результате речной эрозии [Чхве Чхонпхиль, 2001].

Памятник Косанри на о. Чеджудо с микропластинчатой индустрией и керамикой (предварительная дата около 10 тыс. л. н.) демонстрирует сходство с памятниками первоначального дзёмона (Фукуи, Камикуроива), осиповской и громатухинской культур Приамурья; по возрасту к ним близок

также памятник Оджинри (севернее г. Пусан). Однако массовое распространение культуры раннего неолита, известного под названиями *чильмун* (гребенчатая керамика) или «ранние поселения с керамикой», надежно датировано, начиная с периода, примерно, 7 тыс. л. н. [Ларичев, 1978; Бутин, 1979; Ким Вольлён, 1989; Development..., 2005].

Неолит Корейского полуострова существовал в условиях теплого атлантического периода голоцена и в суббореальное время (7–3 тыс. л. н.), когда хвойные леса уступали место широколиственным породам деревьев. Выделяются следующие локальные группы: центральная часть восточного побережья (Осанни), южное побережье (Тонсамдон, Саннодэ, Сугари, Санда-до, Чодо), юго-западное побережье (Тэхуксан-до), центральная западная часть (Амсадон / Амсари, Мисари, Чоджири, Си-до, Сонуи-до, Ои-до, Соя-до, Гусанни, Читамни), северо-восток (Помый-кусок, Сопхохан). Кроме того, неолит делится на две большие зоны: с круглодонной керамикой и с плоскодонной керамикой. В наиболее дробной хронологии для южной части полуострова выделяются четыре этапа: начальный 8–5 тыс. лет до н. э., ранний 5–3,5 тыс. лет до н. э., средний 3,5–2 тыс. лет до н. э., поздний 2–1 тыс. лет до н. э.). В Северной Корее наиболее ранние памятники датированы 7,1 тыс. л. н., наиболее поздние – около 3 тыс. л. н. Таким образом, верхняя граница неолита пролегает в промежутке 3,5–3 тыс. л. н. Для позднего неолита, наряду с гребенчатым штампом, характерно использование новых приемов орнаментации сосудов: амурская плетенка, спираль, меандр. Появляются также слабопрофилированные красноощенные сосуды без орнамента.

В неолитическую эпоху кроме производства керамики население Корейского полуострова принимало модель приморской адаптации, о чем свидетельствуют прибрежные памятники с раковинными кучами, датированные 5,9–3,4 тыс. л. н., на юге (Тонсамдон, Саннодэ), северо-западе (Гунсанни), северо-востоке (Сопхохан) [Первые..., 1998. С. 354–366]. Среди промысловых моллюсков преобладает тихоокеанская устрица; выделены остатки морских млекопитающих (тюлени, дельфины, киты) и крупных рыб (акулы, тунцы). Имеются

поздненеолитические изображения морских животных среди петроглифов в Пангудэ (район залива Ульчу на юге полуострова) – акулы (в том числе китовая), киты (касатка, дельфины, кашалот, финвал, горбач, серый и иные). Из наземных промысловых животных преобладают олени и кабаны, встречаются также другие копытные (буйвол, водяной олень), барсук, собака, выдра, заяц, медведь. Во второй половине эпохи неолита, наряду с собирательством плодов (каштан на Мисари, желуди монгольского дуба на Амсадоне, Осанни и Мисари), охотой на наземных и морских животных, пресноводным и морским рыболовством, отмечено примитивное земледелие на основе различных видов проса (могар, просо обыкновенное). Культурные злаки известны на памятниках среднего неолита: Читамни, Гунсанни, Намгусанни, Мисари, Осанни. В основном они тяготеют к западным районам, что связано с распространением мотыжного земледелия просяного типа из лесостепной части Северо-Восточного Китая около 5,5–3,5 тыс. л. н. Об этом свидетельствуют радиоуглеродные даты для памятников юга полуострова с находками зерен чумизы (Тонсамдон, Оун 1 и Санчон). Однако хозяйство оставалось в основном присваивающим. Данные о domestикации животных (собаки, свиньи) в эпоху неолита и бронзы фрагментарны. Развитие морского рыболовства привело к установлению контактов с Японскими островами, откуда вывозили обсидиан для изготовления скребков и наконечников стрел; керамика типа *собата* на севере о. Кюсю возникла под влиянием гребенчатой керамики Кореи.

Таким образом, на Корейском полуострове в эпоху камня (от палеолита до первой половины неолита, вплоть до 5 тыс. л. н.) существовал культурно-хозяйственный тип охотников, рыболовов и собирателей лесной зоны умеренно-теплого пояса. Начиная с 6 тыс. л. н. добавился тип хозяйства береговых охотников, рыболовов и собирателей умеренно-теплого пояса, активно использовавших морские пищевые ресурсы наряду с охотой на сухопутных животных. Около 5–4,5 тыс. л. н. началось формирование типа мотыжных земледельцев лесной зоны умеренно-теплого пояса с сохранением элементов присваивающего хозяйства. С заме-

ной проса на рис (в первой половине I тыс. до н. э.) начался этап интенсивного мотыжного земледелия. Однако плужное земледелие зародилось только в раннем железном веке (около 2,2 тыс. л. н.).

Истоки корейской неолитической культуры продолжают оставаться предметом дискуссий. Возможно ее автохтонное развитие, однако культуры северных районов (с преобладанием плоскодонной керамики) имели непосредственную связь с неолитическими общностями Южной Маньчжурии и сопредельных территорий. Основное воздействие связано с общностью, наиболее древние памятники которой локализованы в районе Пекина и в бассейне Ляохэ [Development..., 2005. P. 273–282; Алкин, 2007]. Наличие в Сопхохане керамики с криволинейным узором, возможно, свидетельствует о северных связях с субстратным населением Нижнего Амура и Южного Приморья в рамках так называемой кондонской общности [Алкин, 1992].

По мнению М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, древнее население Корейского полуострова принадлежало к байкальской ветви сибирских монголоидов. Возможная принадлежность гребенчатой керамики к североазиатскому культурному ареалу выдвигалась в качестве основного аргумента в пользу палеоазиатского происхождения корейских племен. Некоторое подтверждение этому дает находка костей домашнего оленя на поселении Кунсанни. В позднем неолите происходила инфильтрация групп восточноазиатских монголоидов из районов Северо-Восточного Китая. По всей видимости, в период 3–1 тыс. до н. э. сформировался маньчжурско-корейский вариант восточноазиатской ветви монголоидной расы. Относительно изолированное развитие корейских племен, начиная со среднего неолита, в сочетании с проникновением населения из восточных районов Маньчжурии и даже с территории Шаньдунского полуострова сформировали этнокультурный облик древних корейцев, окончательное становление которого, как в общих чертах, так и в локальных особенностях, происходило в эпоху раннего металла.

Эпоха бронзы на Корейском полуострове начинается около 3,5 тыс. л. н., что соответствует общему восточно-азиатскому тренду

культурного развития [Радиоуглеродная..., 1998]. На смену сосудам с гребенчатым орнаментом пришла гладкостенная керамика. Некоторые ученые связывают это движение с предками тунгусов (известных по письменным данным как племена емэк). Население прочно освоило рисоводство, в том числе поливное, разведение крупного рогатого скота, но при сохранении ориентации на морские ресурсы. Об этом свидетельствует перемещение раковинных куч с побережья на склоны холмов, ближе к жилью. Наметилась тенденция превращения поселений на холмах в городища, наиболее крупные из которых – Помый-Кусок (пров. Северная Хамгендо), Соннанни на р. Тэдонган (южнее Пхеньяна) и Сонгукни (западнее г. Тэджон на юго-востоке) – насчитывают более сотни жилищ. Можно выделить три основных типа хозяйства: земледельческо-скотоводческий, сочетание его с охотой и господствующий морской промысел. Большая часть орудий труда продолжает изготавливаться из камня (шлифованные тесла и топоры, гарпуны, жатвенные ножи полулунной формы, ретушированные и шлифованные наконечники стрел); встречаются сланцевые реплики бронзовых изделий [Riotto, 1989; Хангугэ..., 1992; Загорулько, 2000].

Остатки наиболее ранней мастерской по производству бронзы (датируются 2,7 тыс. л. н.) обнаружены в Янгули (возле Сеула). Находки литейных форм, шлака и т. п. свидетельствуют о местных центрах металлообработки. Из металла изготавливали орудия труда, оружие и бытовую утварь. В составе оружейного комплекса местная форма кинжалов и наконечников копий с профилированным лезвием, так называемые скрипковидные, и узкие кинжалы сочетались с клевцами и секирами, изготовленными по чжоуским образцам. Некоторые виды бронзовых изделий свидетельствуют о включении Кореи в зону влияния скифосибирских культур: кельты, топоры, бронзовые сосуды, колокольчики и бубенцы, пряжки, поясные крючки. Пройдя через весь полуостров, носители культуры бронзовых кинжалов переправились через Корейский пролив на север о. Кюсю, где положили начало культуре *яёй*.

Происходила социальная дифференциация населения, увеличивались локальные особенности культур. Это проявилось в типах погребального обряда. Грунтовые могилы неолитического периода сменились каменными ящиками, что свидетельствует об инфильтрации населения из Северо-Восточного Китая. Встречаются многоярусные захоронения, когда ящики ставились один на другой, и совмещенные, пристроенные к стенкам предыдущих погребений. На этапе развитой и поздней бронзы появились погребения (в основном, детские) в двойных керамических урнах, имеющие аналоги в Дунбэе, на севере Шаньдунского полуострова и в Японии. Тогда же началось сооружение дольменов, происхождение которых Ким Вольён связывал с северной культурой плиточных могил. Дольмены относятся к двум типам: столбобразные (северного типа) и модифицированные (южного типа). Северные дольмены наиболее ранние, состоят из 4 крупных блоков, перекрытых плитой сверху, с захоронением внутри. Южные дольмены обычно имеют наиболее крупную плиту в центре, которую как бы подпирают боковые блоки; во внутренней части выкопано одно или несколько захоронений, выложенных камнем. Иногда дольмены с двух сторон отмечали границы родовых кладбищ, в которых сочетались разные способы захоронения, причем перекрытие каменных ящиков служило основанием для размещения погребальных керамических урн [Kim Won-Yong, 1986; Чой Мон Лён, 2000].

К бронзовому веку относится распространение риса (с территории Восточного Китая) и утверждение его в качестве основного источника питания. Наиболее ранние находки зерен риса на памятниках Хунамни и Каваджи (возле Сеула) датируются периодом около 3,3 тыс. л. н. (вместе с семенами могоара, ячменя и сорго). В Северной Корее также обнаружены остатки красной фасоли (на стоянке Соктханни) и сои (на поселении Одон).

Изменения в хозяйственной жизни, сложные процессы, вызванные притоком нового населения, привели к дальнейшему развитию общественных отношений. Появление городищ свидетельствует о возможном су-

ществовании племенных союзов и возникновении ранней государственности.

Переход к раннему железу на территории Кореи произошел примерно в тот же период, что и на сопредельных территориях Китая и российского Приморья, т. е. не позднее V в. до н. э., возможно, раньше (VII–VI в. до н. э.) [Choi Mong-Lyong, Kang In-Uk, 1989; Субботина, 2005; Хангук..., 2007]. Так, на поселении Одон на правом берегу р. Туманган, датированном временем до середины I тыс. до н. э., помимо каменных орудий в наиболее поздних жилищах зафиксированы изделия из железа. Переход от культуры раннего железа к протогосударствам «трех Хан» (Махан, Чинхан, Пенхан, существовавших на юге Корейского полуострова на рубеже эр) прослеживается на материалах культуры *кимхэ*. Корейские археологи выделяют в составе базового могильника два «уровня»: раннего железного века (III–I вв. до н. э.) и собственно культуры *кимхэ* (так называемой протоисторической); вопрос об их преемственности окончательно не выяснен. К *кимхэ* относится ряд могильников I–III вв. в нижнем течении р. Нактонган с разнообразным погребальным обрядом: ингумация в грунтовых ямах, в каменных ящиках, под каменными насыпями; много захоронений в двух урнах, соединенных горловинами; в составе кладбищ встречаются дольмены. В могильнике Чхояндон есть погребения с деревянными камерами; эта традиция продолжается в ранней культуре Силла. В Сонсан (около г. Пусан) раскопана раковинная куча, окруженная каменной стеной, в Янсан – земляным валом. Такие городища показательны для «трех Хан». В составе находок присутствуют железные ножи, тесла, рыболовные крючки и кинжалы с бронзовыми рукоятями, каменные топоры со скошенным лезвием, полунунные ножи и точильные бруски, костяные наконечники стрел, иглы и шпильки, глиняные пряслица и грузила; китайские стеклянные бусы и бронзовые монеты. Поселения располагались на вершинах или террасах холмов, в их составе зафиксированы железоплавильные печи. Хозяйство основывалось на морском промысле, поливном рисоводстве, разведении крупного рогатого скота и лошадей.

Керамическая традиция *кимхэ* известна по всему югу Корейского полуострова. Судя по находкам на памятниках Тэсимни и Мачжанни в Центральной Корее, она принесена (в конце II – начале I в. до н. э.) с севера, вместе с технологией литья железа (возможно, связанной с культурой ханьской префектуры Лолан в районе современного Пхеньяна). Преобладает гончарная керамика, серая, хорошего обжига. Возможно, она связана с серой керамикой с оттисками веревки или циновки, принесенной в Корею из Китая в III–II вв. до н. э. Появляются новые формы посуды – кубки на поддоне, полусферические чаши, котлы с перфорацией для варки на пару, горшки с зауженным дном, высокие подставки и чаши с ручками. Характерный декор – оттиски веревки или корзины с помощью керамической или деревянной колотушки. Выделяется погребальная керамика – серая, низкотемпературного обжига, формы с расширяющимся горлом и парой ручек. Традиция *кимхэ* послужила основой для керамики эпохи Трех государств, особенно она сильна в культуре Силла; оказывалось также влияние на культуру яёй Японских островов.

На севере в этот период (не позднее IV в. до н. э.) образовалось протогосударство Ко Чосон, территория которого захватывала также значительную часть Ляодуна; оно вступило в активные контакты с древнекитайскими государствами [Бутин, 1978; 1982; Воробьев, 1961; 1997]. Раскопаны крупные поселения, где железные изделия (кельты, серпы, ножи, наконечники копий и стрел) найдены в комплексе с ножевидными монетами миндао, отливавшимися в царстве Янь: в Йонъендон (пров. Северная Пхенан) – 800 монет, в Седжунни (пров. Южная Пхенан) – 2 500 монет, что свидетельствует о значительных объемах торговли. После завоевания Чосона империей Хань на этих территориях был создан округ Лолан, культурное влияние которого оказало значительное воздействие на последующее историческое развитие Кореи.

Представленные материалы существенно дополняют общий курс «История Кореи» для специальности «Востоковедение. Африканистика» по профилю «История» в рамках подготовки специалистов-востоковедов (ба-

калавров и магистров) и являются составной частью курса «Зарубежная археология» для специальности «Археология» на гуманитарном факультете ГОУ ВПО «Новосибирский государственный университет».

Список литературы

Алкин С. В. «Кондонская» культурная общность: новые материалы и перспективы исследования // VI Арсеньевские чтения. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 1992. С. 150–153.

Алкин С. В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: неолит Южной Маньчжурии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 168 с.

Бутин Ю. М. Новые материалы по археологии Корейского полуострова (стоянка Помый-Кусок) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1979. С. 126–134.

Бутин Ю. М. Материальная культура Древнего Чосона // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1978. С. 119–154.

Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск: Наука, 1982. 330 с.

Воробьев М. В. Древняя Корея: историко-археологический очерк. М.: Вост. лит., 1961. 145 с.

Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века: этнос, общество, культура и окружающий мир. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. 432 с.

Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск: Наука, 1983. 216 с.

Деревянко А. П. Древние культуры Кореи // Археология Зарубежной Азии: Учеб. пособие для вузов по спец. «История». М.: Высш. шк., 1986. С. 320–334.

Деревянко А. П. К вопросу о формировании пластинчатой индустрии и микроиндустрии на востоке Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4. С. 2–29.

Загорюлько А. В. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века Корейского полуострова // Вперед... в прошлое. Владивосток: Дальнаука, 2000. С. 239–251.

Ким Вольён. Основы археологии Кореи (Хангук когохак кэсоль). Сеул: Ильджиса, 1989. 295 с. (на кор. яз.)

Ларичев В. Е. Палеолит Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: эпоха палеолита. Новосибирск: Наука, 1976. С. 25–83.

Ларичев В. Е. Неолит и бронзовый век Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука, 1978. С. 9–87.

Ли Хонджон. Исследование культуры среднего палеолита на Корейском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2. С. 87–104.

Ли Хонджон, Ким Чонбин, Чан Тэхун, Ли Хеён. О закономерностях в размещении палеолитических памятников, открытых в последнее время на территории юго-западного побережья Южной Кореи // Хангук кусокки хакбо (Вестник палеолита Кореи). 2006. № 13. С. 9–26. (на кор. яз.)

Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 390 с.

Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. Владивосток, 1998. 127 с.

Субботина А. Л. Комплексы с неорнаментированной керамикой раннего железного века в бассейне р. Туманган // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годичной сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. Т. 11, ч. 1. С. 460–465.

Чой Мон Лён (Чхве Моннён). Дольмены Кореи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 112–120.

Чхве Чхонхиль. Новый взгляд на неолит Кореи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 3. С. 39–51.

Choi Mong-Lyong, Kang In-Uk. A critical review of the cultural relations between Siberia and Korea from the early iron age to the early medieval age // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 644–660.

Choi Mou-Chang. The Paleolithic Periods in Korea. Seoul, 2004. 202 p.

Development of Korean Neolithic Culture: Commemoration 40 years for Korean Neolithic

Culture / Ed. by Im Hyo-jaj. Seoul, 2005. 484 p.

Kim Won-Yong. Art and Archaeology of Ancient Korea. Seoul: The Taekwang Publishing, 1986. 416 p.

Riotto M. Bronze Age in Korea. Kyoto: Nakanishi, 1989. 68 p.

Хангугэ чхондонги мунхва (Культура бронзы Кореи). Сеул: Центральный госу-

дарственный музей, Государственный музей Кванчжу, 1992. 169 с. (на кор. яз.)

Хангук гогохак канъи (Лекции по археологии Кореи) / Под ред. Ким Чхонхи. Сеул: Сахвэпённон, 2007. 307 с. (на кор. яз.)

Материал поступил в редколлегию 18.09.2010

S. V. Alkin, S. A. Komissarov

**ARCHAEOLOGICAL CULTURES ON THE KOREAN PENINSULA
(STONE AGE – EARLY IRON AGE): A BRIEF REVIEW OF A MODERN CONDITION OF STUDY**

This brief review presents of educational material on Korean archaeology supplementary to the general course of «The History of Korea» for Masters of Arts (History) with the specialty in Oriental studies and part of course of «Foreign Archaeology» for specialty in Archaeology. Main sites and cultures are determined, from the earliest stages of appearance of Homo at Korean Peninsula, and up to the period of formation of early states.

Keywords: Korea, archaeology, paleolithic, neolithic, Bronze age, Early Iron age.